

Новое известие - 2002 - 2 нояб. - с. 7.

И ЖИЗНЬ, И СЛЕЗЫ, И ЛЮБОВЬ

Российско-аргентинский дуэт в Кремле

Мария БАБАЛОВА,
«Новые Известия»

— Вам не страшно было в эти дни находиться в Москве?

— И жена, и дети умоляли меня отказаться от визита в Россию. Но я точно знаю, что я должен был приехать. Легко быть врачом, когда все здоровы...

— Какое самоощущение для вас пеннее — певческое или дирижерское?

— Я чувствую себя больше дирижером, чем певцом. Дирижером я стал, когда мне было пятнадцать лет. Это значит, что я стою за пультом уже четверть века. А петь я начал лишь в двадцать восемь.

— Почему же, на ваш взгляд, пение вам принесло куда больше славы, нежели дирижирование?

— Совершенно естественно, что карьера певца, а в особенности драматического тенора, с коммерческой и зрительской точек зрения, реализуется гораздо быстрее, чем у дирижера. За очень редким исключением дирижер становится звездой мировой величины, когда ему уже сильно за пятьдесят. В то время как к певцам слава и успех приходят значительно раньше. Тем не менее дирижерская профессия имеет одно огромное преимущество — дирижер может работать почти до самой смерти. Более того, чем старше становится мастер, тем лучше он дирижирует. У певца же есть определенный временной лимит в профессиональной жизни. Поэтому для меня сейчас очень важно использовать те годы, которые мне отпущены, как певцу. Сегодня я дирижирую немного, но, когда закончится моя певческая карьера, я смогу полностью посвятить себя дирижированию. И это может продлиться долгие годы.

— Какую черту своего характера вы считаете определяющей?

— Я дьявольски упрям.

— На сцене, как правило, теноры — жертвы трагической любви. Данное обстоятельство накладывает отпечаток на реальную жизнь?

— Нет. Сценические страсти не переходят в мою обычную жизнь. Я как-то не умею умирать каждый день. Выходя на сцену, я всегда надеваю маску. Если все театральные эмоции впускаю в реальную жизнь, то уже лет через пять я оказался бы в психиатрической клинике.

— Как вам кажется, что стоит дороже — профессиональный успех или личное счастье?

— Личное счастье не купишь ни за какие деньги, а успех можно купить, и многие пользуются этой возможностью. К счастью, ко мне это не относится. Я честно борюсь за свое место в музыке. Все, чего я добился, я добился своим трудом, своими легкими. Но вокруг сегодня очень много людей, чей успех абсолютно ничем не обоснован. Мы живем в эпоху, где все или почти все — это суррогат. Сейчас, если мне нужна какая-нибудь информация, я не пойду в библиотеку и не стану переворачивать горы книг, а нажму лишь клавишу компьютера, и Интернет выдаст мне готовый результат работы, которую кто-то уже сделал за меня. Мы живем в такое время, когда большинство людей потеряло вкус к труду. Гораздо проще купить замороженный полуфабрикат и разогреть его в микроволновой печи, чем приготовить что-то оригинальное. Это происходит и в музыке. Для многих гораздо проще потреблять в художественном смысле недоделанный полуфабрикат вместо настоящего искусства. И вместо того, чтобы пойти в оперу, человек все чаще просто засовывает в проигрыватель компакт-диск. А сегодня уже изобрели компьютерную программу, которая может превратить лай моей собаки перед микрофоном в отлично звучащую песню. Так рождаются звезды-однодневки, изготовленные на студиях звукозаписи. Но они не могут выйти на сцену без фонограммы, один на один с публикой. Потому что на самом деле они не способны петь даже в собственной ванной. Это кометы, которые, пронесаясь, оставляют за собой лишь сожженное пространство. А на пепелище, как известно, редко вырастает что-то хорошее, царствуют псевдоидолы. В безумии современного мира опере очень трудно, почти невозможно выжить.

— Кто же виноват в подобном положении вещей?

— Конечно, не каждому дано быть гением. Но любой человек может стать уважаемым профессионалом, если приложить к этому соответствующие усилия. Если бы в искусстве все крутилось только вокруг больших талантов, в мире было бы от силы три театра. Именно профессионалы, ре-

месленники делают многое для того, чтобы искусство распространилось по миру, а не оставалось в узком кругу ценителей. Так как даже абориген в лесах Конго должен иметь такое же право наслаждаться искусством наравне с Веней, Парижем или Лондоном. И сегодня есть очень много новых талантливых исполнителей с прекрасными голосами от 25 до 30 лет. Но проблема заключается в том, что современный механизм художественного рынка пытается не дать этим талантливым музыкантам пробиться на сцену. Если они все-таки прорвутся, то станет слишком очевидным, что те, другие, выращенные в условиях студий, пустое место. В этой ситуации, безусловно, импресарио сильно виноваты, но часть ответственности лежит и на певцах. Сегодня многие талантливые певцы сами делают выбор в пользу больших денег и скороспелой славы. Никто же не представляет пистолет к их виску. И большинство очень быстро обжигает себе крылья. В моем случае, как и в случаях многих моих коллег, которые продолжают петь многие годы, речь не идет о каком-то чуде. Просто мы умеем сказать «нет», когда нужно от чего-то отказаться.

— Несмотря на свою гиперпопулярность в мире, вы не доверяете славе?

— Стать знаменитым сегодня относительно просто. Сейчас выйду на улицу, взорву две бомбы, и завтра обо мне заговорят все газеты. А вот стать великим — это то, чего достичь практически невозможно. Славой можно управлять, а вот величием управлять невозможно. Слава — слишком преходящее понятие. Чуть дунешь — и ее уже нет. Если повезет, ты сохранишь ее в течение многих лет, не повезет, то быстро закончится.

— А какие «лакомства» любит слава?

— Много работы, слез, боли и очень много любви. Обычно перед выходом на сцену я молюсь: «Господи, пой моим голосом, чтобы все в зале узнали о Твоем существовании». И тогда мой голос уже не принадлежит никому, принадлежит только Богу. В этом случае я не более чем инструмент в руках Божьих. Но иногда мир мне кажется неким заповедником, где выращивают животных для охоты. Пока детеныш ма-

По личному приглашению красавицы-сопрано Любви Казарновской, выступавшей почти со всеми лучшими оперными кавалерами мира, в Москву впервые приехал знаменитый аргентинский певец Хосе Луис Виктор Кура. Оболетительного гаучо сегодня нарекли первым наследником великих теноров XX века. Он знаменит и великолепен, как голливудская суперзвезда и секс-символ. Его демонический лик нывает с обложек десятков гляцевых журналов и компакт-дисков. Хосе Кура не только безупречный Самсон, Отелло, Калаф, Хосе и Радамес, но и обладатель черного пояса по кунфу, композитор и дирижер. В Государственном Кремлевском дворце Любви Казарновская и Хосе Кура, доверяя свои голоса микрофону, представили большую итальянскую программу из оперных арий и дуэтов. Единственное отступление от темы — песня об аргентинском флаге соотечественника Гектора Паницца, которую г-н Кура исполнил с революционным запалом. А в начале концерта

Перед отъездом из России Хосе Кура дал эксклюзивное интервью «Новым Известиям».

ленький, о нем заботятся, его откармливают. А когда он становится сильным и красивым, то приходит человек с ружьем и с наслаждением его убивает. Подобное часто происходит в нашей профессиональной жизни. Когда певец начинает карьеру, вокруг него выются импресарио, директора театров, журналисты — лелеют, пестуют, кормят всякими лакомствами, восхищаются. Но когда певец доходит до пика славы, то с очень большой радостью они же его и убивают.

— Своего импресарио вы тоже считаете потенциальным убийцей?

— Я уже давно избавился от всех импресарио. Я не только ис-

полнитель, но и сам себе продюсер. Хотя и здесь есть свои недостатки: я не только выступаю на сцене, но и вынужден решать административные вопросы.

— Что вы считаете своей самой большой удачей?

— Тот момент, когда мои дети просят дома поставить мои диски и с удовольствием слушают, как я пою.

— Вы желаете, чтобы кто-нибудь из ваших детей пошел по вашим стопам?

— Чего я хочу от моих детей, не имеет никакого значения. Важно только то, что они сами хотят сделать в этой жизни. Я никогда не поспею посягнуть на их

свободу и буду очень счастлив, когда мой сын, у которого есть своя рок-группа, будет через месяц играть в честь моего сорокалетия, а я буду присутствовать в качестве благодарного зрителя.

— Какого момента вы больше всего боитесь в жизни?

— Когда приходит время платить налоги.

— А много ли грехов вы готовы себе простить?

— О, их множество! Но эту тайну я никогда не открою. В жизни есть очень много вещей, о которых можно разговаривать только с зеркалом. Поэтому из всех звуков мира я предпочитаю тишину, полное молчание.